

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И МАССЫ В ИСТОРИИ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ РОССИИ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛИИ РУССКОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

*Марченя Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: marchenyap@gmail.com*

Аннотация. Представлен доклад автора на Всероссийской научно-практической конференции «Конституция и конституционализм в российской истории: опыт социально-политической трансформации» (29 сентября 2023 г., Курск). Отмечается, что элитарный (либерально-западнический) конституционализм в России не имеет опоры в массах (в связи с проблемами цивилизационной идентичности элит). Конфликт между «конституционализмом меньшинств» и «демократией большинства» выступает причиной рецидивирующих кризисов системы взаимодействия власти и общества. Действия элит, не адекватные протоконституционным императивам массового правосознания, провоцируют системные кризисы. Русское правосознание (соответствующее ценностям Российской цивилизации) противостоит глобальному конституционализму (как попытке евроатлантической цивилизации навязать всему миру свои стандарты). По мнению автора, Конституция должна соответствовать реальному конституционализму (конституционализму демоса, а не конституционализму демократов). В частности, необходимо отменить запрет на государственную идеологию (на национальную идею).

Ключевые слова: Российская цивилизация, Конституция, конституционализм, власть, элиты, массы, массовое сознание, правосознание, правовой нигилизм, империя, россиеведение

В качестве основополагающей отличительной характеристики «российского конституционализма» (очевидно, на практике не слишком-то похожего на служившие источником заимствования западные прототипы) отмечают его историческое развитие без соответствующей социальной базы, не только без поддержки масс и массового сознания, но и «без широкой опоры в виде растущего среднего класса с присущими ему политическими интересами», в силу чего «социальным носителем конституционной идеологии постоянно являлись представители правящих классов – различных элитных групп, по тем или иным причинам выступающих за конституционное ограничение власти»¹.

---

¹ См.: Крылов Б.С. Проблемы российского конституционализма // Государство и право. 2009. № 6. С. 117; Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 8.

Это обстоятельство порождало (и продолжает воспроизводить) своеобразную, выходящую за пределы позитивного права, коллизию – дилемму между «конституционализмом *меньшинств*» и «демократией *большинства*», предопределяя «опережающий характер конституционных норм по отношению к реальности» и раскол между прозападными элитами и народными массами, антисистемный цивилизационный антагонизм *Модерна* и *Традиции* («конфликт модернизации и ретрадиционализации»¹), который выступает одной из фундаментальных причин рецидивирующих системных кризисов и даже неоднократного (дважды за один прошлый век!) тотального обрушения отечественной системы взаимодействия власти и общества.

Казалось бы, такую, сохраняющую злободневность и чреватую очередными социотрясениями историческую «оригинальность» российского конституционализма нельзя не учитывать и сегодня в стратегии конституционного реформирования в России. Однако до сих пор распространено мнение, согласно которому подобное расхождение между теорией и практикой, доктриной и опытом, иллюзиями и реалиями отечественного конституционализма и его выражения в русском правовом сознании – это не более чем «болезнь роста», просто требуется время на то, чтобы относительно «молодой» – и потому «отсталый» и «догоняющий» российский конституционализм успел «повзрослеть», «созреть» и укорениться в массовом правосознании населения России – подобно тому, как это произошло с народами «старых», «передовых» и «цивилизованных», конституционных стран Запада; что «по сути, современный российский конституционализм еще только проходит период становления, поэтому нужно помнить о неизбежности диалектики развития не только теории современного конституционного права, но и действующего конституционного законодательства»².

Однако вопрос можно поставить принципиально иначе: а насколько вообще вся «либерально-демократическая» по происхождению и идейно-ценностному содержанию (читай: чужая, заимствованная, рецепированная, искусственно трансплантированная в чуждую ей среду) конструкция «конституционализма» западного типа (как продукт эволюции преимущественно евроатлантической цивилизации, с ее сущностно отличными от русско-евразийских реалиями) отвечает коренным интересам другой – Российской – цивилизации, созвучна «демократическим» чаяниям самого российского демоса (в массе своей

---

¹ Медушевский А. Конституция Российской Федерации 1993 года и большие циклы российского конституционализма // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4. С. 46, 53.

² Корецкая Т.П. Становление российского конституционализма // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2013. № 3. С. 54.

бесконечно далекого от их либеральных толкователей), способна ли она обрести опору в живом национальном правосознании, адекватна ли богатому отечественному историческому опыту, пригодна ли к плодотворному органичному развитию на не родной для нее «русской почве»? (а можно встретить и такую постановку проблемы: «Действительно, в том ли дело, плох или хорош российский конституционализм? Был ли он – вот в чем вопрос. А если был, то куда делся? Вероятный ответ здесь – неочевиден, а очевидный – невероятен. <...> Но “кока-колу” русская земля никак не родит, а выходит все больше кислый квас. Потому что конституция – это прежде всего уклад жизни, т.е. такой бестелесный социальный эфир, который нельзя формализовать и навязать обществу сверху...»¹).

Пожалуй, очевидно одно – в реалиях формирования многополярного мира и глобального духовного противостояния явно различных по своим базовым ценностям цивилизаций, актуальность цивилизационного подхода к анализу «идейных основ современного российского конституционализма как сферы особого риска»², «исходя из необходимости реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности в этот непростой для России исторический период»³, еще более обострилась.

И тем более очевидно, что в условиях мировой гибридной войны реальный (не мнимый и не имитационный) российский конституционализм, чтобы не фигурировать в качестве вестернизированных декораций и ритуальных камланий отдельных (от остального народа) юристов (и уж тем более не служить инструментом цивилизационного суицида или формой принесения себя в жертву на алтарь глобализации по евроатлантическим рецептам), а стать живым воплощением самобытного правового пути Русского мира, должен выражать ценности родной цивилизационной среды и своего народа, выстраданные на собственном историческом опыте (в том числе ценности духовно-нравственные – потому как «претворение в жизнь конституционных идеалов» достижимо при условии «обеспечения неразрывной связи правореализационных практик с духовно-нравственными устоями многонационального российского народа»⁴ и

---

¹ Пастухов В.Б. Вызовы и ответы российского конституционализма в XXI в // Труды по русистике. 2016. № 6. С. 130, 131.

² Киреев В.В., Неровная Н.Н. Идеиные основы современного российского конституционализма как сфера выражения национальных интересов и обеспечения национальной безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2. С. 28.

³ Там же. С. 26.

⁴ Добрынин Н.М. О сущности российского конституционализма // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 40.

«условием перехода от политических иллюзий к реализму в понимании российского конституционализма является осознание того обстоятельства, что система конституционализма представляет собой категорию не только политико-правовую, но и нравственно-этическую»¹).

То есть реальный *российский* конституционализм призван выражать ценности *Российской* цивилизации, а не некие «*универсальные ценности современной цивилизации*»² (напрашивается вопрос: *а какой именно цивилизации?*). Сама природа ценностей такова, что они могут противоречить друг другу, соперничать друг с другом, и в сознании конкретного человека, и на цивилизационном уровне, при этом их содержательная сторона и практика применения могут существенно видоизменяться со временем³. А некоторые широко признанные ценности западной цивилизации (идеологические «священные коровы» либералов), «универсальность» и «конструктивность» которых были приняты российскими западниками априорно, на веру, в российских реалиях оборачиваются своей деструктивной стороной, в чем накоплен печальный для нашей государственности опыт⁴.

Приблизиться к адекватному пониманию цивилизационной специфики российского конституционализма, его истинного характера и действительного места в отечественной системе правового и иного взаимодействия элит и масс, национальных особенностей реального отношения русских к Конституции (и со стороны власти, и со стороны общества) возможно лишь в результате осознанных усилий исследователя «отойти от однозначного понимания конституции как писаного нормативного акта», осмыслить «наличие некоего второго смыслового и ценностного содержания, “скрытого” в основном законе», что ассоциировано «с глубинной культурой религиозной, этнополитической традиции, свойственной данному обществу и народу»⁵ (при этом следует помнить, что сама «конституционная традиция» представляет составную часть более общей «правовой традиции», которая «в значительной степени иррациональна, поэтому не может исследоваться исключительно в рамках материалистической методологии... <...> правовая традиция диалогична,

---

¹ Бондарь Н.С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 10.

² Там же. С. 5, 7, 17.

³ Дорская А.А. Периодизация истории государства и права России: проблемы аксиологической интерпретации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 2. С. 30, 31.

⁴ Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // Полис. 2017. № 1. С. 41-52.

⁵ Исаев И.А. Конституция и скрытая традиция // История государства и права. 2023. № 6. С. 16.

она существует только потому, что есть иные, отличные от нее традиции»¹).

Осмысление феномена глубинной, предшествующей конституции (*протоконституционной*) традиции первично по отношению к исследованию собственно фактических и юридических характеристик национального конституционализма и исторически конкретных конституций (ибо «даже тогда, когда нация испытывает “кризис идентичности” (под воздействием политического кризиса, под гнетом завоевателей), она не в состоянии забыть и отвергнуть ценности, составляющие “протоконституционные” основы ее жизни», которые «выступают единым “переживаемым опытом” нации»²).

В свою очередь, выявление протоконституционной отечественной традиции немислимо без методологически обоснованного отказа от претендующих на всемирную универсальность либерально-глобалистских транзитологических схем Западной Европы и США³ и признания особой, имперской (но не империалистической) природы Российской цивилизации, продолжающей определять мировоззренческие императивы государственной политики России⁴.

Причем под «Империей», в таком контексте, подразумевается не просто форма организации институтов и пространства, а *способ организации сознания*, то есть самобытная, адекватная цивилизационно обусловленным социокультурным кодам массового сознания форма единения власти и масс посредством служения императивам, консолидирующим народ (народы) в единый субъект истории, участвующий в мировом противостоянии Добра и Зла, причастный к его эсхатологическому, вневременному смыслу, первичному по отношению к любым временным конституциям.

В таком смысле, «Империя Россия»⁵ является таковой на протяжении протяжении многих столетий, она де-факто начала развиваться по имперскому пути гораздо раньше, чем это было де-юре закреплено официально первым российским императором. И на протяжении всей имперской истории России государственная власть и правовые реформы

---

¹ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 6-7.

² Дудко И.Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 39.

³ Марченя П.П. Империя как форма бытия российской цивилизации (к вопросу о мировоззренческих императивах государственной политики в России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 316.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Империя Россия. М., 2005.

(которые одновременно и соответствовали, и противоречили интересам власти) преследовали неоднозначные или вовсе взаиморазрушительные цели (как это замечают даже зарубежные исследователи¹). Это не могло не отражаться соответствующим образом в массовом правосознании, негативные реакции которого на западнические, цивилизационно чуждые (по букве «правовые», а по духу *неправые* – в восприятии масс) новации элит именовались последними не иначе как «правовым нигилизмом». Однако подобные обвинения в адрес целого народа (великого народа, веками защищающего от нескончаемых агрессий извне свое право на собственный правопорядок в воздвигнутом им величайшем на планете государстве) свидетельствуют скорее не о *нигилизме народа*, а о *нигилизме по отношению к народу* (как и прочая русофобская мифология, связанная с проблемами противостояния цивилизаций и цивилизационной идентичности)².

Такого рода ценностное «противостояние цивилизаций» *внутри* самой Российской цивилизации (конфликт «двух *Россий*», настроенных нигилистически по отношению друг к другу) является постоянным фактором, вызовом и угрозой ее развития, с одной стороны, поддерживая определенный политико-правовой «тонус» в периоды относительной стабильности, с другой – выступая разрушительной силой в системных кризисах, когда массы, чьи правовые чувства оскорблены цивилизационно чуждыми им «инновационными» действиями элит сверх меры допустимого (определяемой функционально предустановленным на противодействие общим угрозам массовым правосознанием), кладут этим действиям предел (в силу понятных причин, методами, весьма далекими от «конституционных»)³.

Эта общая схема активного включения масс России «смутного времени» (в «нормальное» время пассивных по отношению к элитарным проектам) в радикальную «иммунную реакцию социально целого», в жестокую борьбу за свою идентичность, вызванную чужеродными массовому сознанию попытками элит насильственно изменить цивилизационные константы (в том числе навязать противоречащие протоконституционным традиционным ценностям России либеральные ценности прозападного «конституционализма») подтверждается в нашей

---

¹ См.: Wartman R.S. The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976 (пер. на рус. язык: Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004).

² Марченя П.П. Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 28-31.

³ Марченя П.П. «Две России» в контексте модернизации: императивы массового правосознания и пределы инновационных действий элит // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 232-233.

истории огромным эмпирическим материалом (в отличие от целесообразности самой идеи внедрения инициализационных конструкций в «Русскую систему»).

В частности, для понимания ситуации последнего времени (когда Россия, по сути, вернулась к решению во многом тех же цивилизационных проблем и задач, что она решала век назад, представляется полезным обратиться к осмысленному в контексте современного руссиеведения опыту векового прошлого – истории Февраля-Октября 1917 г. (поучительной для тех из называющих себя «российскими конституционалистами», которые, подобно «февралистам» образца столетней давности, ориентируются на правовые иллюзии и заемные ценности, игнорируя массы и массовые реалии).

Так, взаимно нигилистическое противостояние «России Февраля» и «России Октября», «России либерально-демократических элит» и «России народных масс» можно редуцировать до цивилизационно-ценностного конфликта двух «разновидностей конституционализма» (условно: «конституционализма демократов» и «конституционализма демоса»).

Конституционализм демоса (реальный народный «конституционализм») выражал исторический опыт нации в доступных массовому сознанию ценностях.

Конституционализм демократов (искусственный набор чужеземных либерально-западнических идеологем) самозвано (как это принято в русской смуте) выдавал себя за «настоящий» «российский конституционализм».

«Два конституционализма» «двух России» образовали де-факто систему бинарных протоправовых оппозиций, по древнейшей трайбалистской схеме «свой-чужой» (например, крайне упрощенно: *Царь и Конституция, Правый государь и Правовое государство, Земский собор и Учредительное собрание, Соборность и Многопартийность, Служилое государство и Гражданское общество, Обычай и Закон, Традиция и Модерн, Патернализм и Договор, Авторитаризм и Демократия, Община и Личность, Моральная экономика и Рыночная экономика, Православная (потребительская) трудовая этика и Протестантская (предпринимательская) трудовая этика; и мн. др.*)¹.

В результате, парадоксальным (неожиданным для псевдodemократов) образом, инструментализированное большевиками движение демоса приняло «антидемократический» характер, произошел массовый отказ от «демократических» иллюзий, элиты, не желавшие представлять массы, судом массового сознания были отторгнуты и признаны «самозванцами»

---

¹ См.: Марченя П.П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? М., 2017. С. 117-118.

временщиками» и «повинными в смуте оборотнями», «бегство от власти» закончилось «бегством к Власти» уставших от безвластия масс. Октябрь лишь зафиксировал всенародный сдвиг страны от разочаровавшей ее «либеральной демократии» Февраля а ля «Европа второго сорта» к родной имперской почве, традиционализму и остановившей цивилизационный распад диктатуре.

Увы, за прошедшее столетие социокультурный раскол между массами и либеральной частью элит России не ушел в прошлое, а проблема «российскости» российского конституционализма не стала менее болезненной в дискуссионном дискурсе ученых и политиков. Это касается и оценки действующей Конституции Российской Федерации, по поводу 30-летия которой мы обсуждаем эти проблемы. Примечательно, что на знаковом в указанном ключе межведомственном круглом столе, посвященном предыдущему, 25-летнему ее юбилею, один из ее авторов, В.Л. Шейнис, высказался по сему поводу так: «На мой взгляд, общество, академическая среда, в частности участники создания Конституции, в значительной мере, должны будут признать, что это сравнительно невнятный юбилей, потому что непонятно, сколько и чего тут от праздника, сколько и чего тут от тех проблем, которые стоят сегодня перед нашим обществом»¹. На том же мероприятии историк В.В. Бабашкин, иллюстрируя проблему взаимосвязи Конституции и конституционализма, напомнил актуальный и тонкий анекдот: «Что общего между англичанами и русскими? – Те и другие живут по неписаной конституции, только у русских зачем-то еще и писаная есть...»². А философ права А.Л. Золкин так сформулировал тему отечественного «соседства» иллюзий с реальностью: «...Проблема конституционализма есть прежде всего философская проблема, выходящая за пределы комплекса вопросов юридической науки. Философские проблемы возникают не только там, где есть столкновение идей, но там, где иллюзии борются с реальностью. Конституционализм идет рука об руку со смутами, революциями и мятежами во многом благодаря когнитивным диссонансам, смысловым противоречиям, герменевтическим провалам и интерпретационным диверсиям, которые обществом воспринимаются весьма болезненно и становятся стимулами и катализаторами социальных потрясений»³...

Как отмечают современные эксперты, «доктринальные инновации в контексте конституционализации правовой системы» неразрывно связаны с реалиями правового сознания: «фокус и центр

---

¹ Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии. Ч. 1: Постановка проблемы // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 4. С. 46.

² Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии. Ч. 2: Проблемы прошлого // Социально-гуманитарное обозрение. 2020. № 1. С. 55.

³ Там же. С. 53.

конституционализации находятся в сфере позитивного конституционного (в широком смысле) права и его вторичной – законодательной – формы, а ее необходимыми научными и мировоззренческими предпосылками, с одной стороны, и залогом практического восприятия результатов, с другой стороны, выступают конституционное правопонимание и правосознание»¹. В ситуации, когда «предметное расширение сферы воздействия конституционно-правовых норм является закономерным следствием новых глобальных угроз праву и необходимости поиска ответов на них в русле системных, межотраслевых решений, лежащих в основе гармонизации базовых ценностей общества...»², одним из главных вызовов для конституционалистов является проблема *«адекватного учета социокультурных начал в природе конституционного права, преодоления разрыва между формально-юридическими и нравственно-этическими началами конституционализма»*³.

И в этой связи приходится констатировать, что Конституция России 1993 г., даже после важных адаптационных изменений 2020 г., несколько пошатнувших безраздельное господство либерализма, все же продолжает, по меткому выражению С.Н. Бабурина, закреплять «нашу цивилизационную капитуляцию»: «Иначе не сказать, видя регламентированную ущербность суверенитета и конституционный триумф нигилизма, воплощенный в запрете любой государственной или общеобязательной идеологии, в равноправии всех идеологий, что есть уравнивание добра и зла»; «насильственное укоренение чуждого России конституционализма контрпродуктивно»; «цивилизационная основа жизни народа – национальная система духовно-нравственных ценностей – не может быть изменена чужим опытом конституционализма»⁴.

То есть и по сей день российская Конституция не отвечает необходимости претворения в жизнь подлинного, а не выдуманного либералами, российского конституционализма, что приводит вдумчивых специалистов к выводу «о неизбежности разработки и принятия новой Конституции», которую следует «сконструировать на качественно иной базе с ориентацией на будущее, со счастливым обществом,

---

¹ Крусс В.И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации Российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 3.

² Бондарь Н.С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 24.

³ Там же. С. 28.

⁴ Бабурин С.Н. Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 130, 134.

высокоэффективным государственным устройством, сильной экономикой и проч., в основе чего должна лежать национальная идея...»¹.

В частности, автор выражает солидарность со многими представителями отечественного экспертного сообщества² в том, что жизненно важно отменить остающийся в недопустимом диссонансе с требованиями времени, угрозами национальной безопасности и ожиданиями масс (фактически, работающий на нашего идеологического и геополитического противника) конституционный запрет на *государственную идеологию* (читай: на *Русскую идею*).

И как бы ни возмущались по этому поводу ориентированные на ценности иных – якобы «передовых» и «цивилизованных» – наций доморощенные либералы-западники, которым исторически всегда мешал собственный «темный» народ, неизменно оказывающийся недостаточно хорошим для их заемных идей, но русское правосознание сегодня вступает в открытый антагонизм с идеологией «глобального конституционализма»

¹ Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7.

² См., напр., сборник знаковой в указанном контексте междисциплинарной конференции: Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы. М., 2023. См. также избранные журнальные статьи (кроме упомянутых выше): Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Сер. 11. 2023. № 1. С. 3-21; Багдасарян В.Э. Конституции постсоветских государств с позиции обеспечения государственного суверенитета // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 19-31; Бельский В.Ю., Кальной И.И. Необходимость и целесообразность идеологии в Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 350-355; Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 24-33; Гареев М.Ф. Государственная идеология как основа предупреждения преступлений // Юридическая мысль. 2021. № 3. С. 81-98; Кальной И.И. Статус идеологии в Конституции Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2020. № 2. С. 9-14; Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 5-17; Масленникова С.В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал ВШЭ. 2021. № 5. С. 24-47; Морозова Л.А. К вопросу об идеологической функции государства и общегосударственной идеологии // Государство и право. 2015. № 12. С. 23-29; Овчинников А.И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // Философия права. 2012. № 2. С. 84-89; Парилов О.В. Статья 13 Конституции РФ и формирование государственной идеологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 285-287; Рудаков Н.С., Кутько В.В., Гусева А.А. Конституция Российской Федерации как «идеологический компас» // Современный ученый. 2019. № 3. С. 296-301; Цалиев А.М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 40-43; и мн. др.

как космополитического проекта транснациональной интеграции и унификации «демократических стандартов»¹, оно объективно мешает очередным кандидатам в «мировые господа» монополюно формировать так называемый «глобальный правовой порядок», основанный «на рациональной презумпции того, что западные либеральные ценности могут быть постепенно продвинуты поверх национальных границ для создания новой космополитической постнациональной реальности международного конституционализма»².

Другими словами, сохраняющая цивилизационный суверенитет Российская держава и русские, со своей собственной правовой культурой и живым национальным правосознанием, противостоят попыткам евроатлантических элит (при коллаборации с компрадорами внутри самой России и других незападных стран) навязать всему миру некие планетарно-конституционные «универсальные стандарты»³, вне учета историко-правового опыта и культурной идентичности конкретных государств и обществ.

Неудивительно, что в отмечаемой как отечественными, так и зарубежными специалистами «дихотомии между национальным демократическим суверенитетом и либеральным космополитическим конституционализмом»⁴ правовые чувства абсолютного большинства населения России остаются на стороне первого.

Более того, очередное обострение геополитического (и даже вновь, уже который раз за историю, военного) противостояния Русского мира с претендующим на роль гегемона коллективным Западом (то есть, мягко говоря, при «откровенном желании стран иного развития видеть слабую экономически, политически и идейно нашу государственность»⁵) превращает этот политико-правовой и морально-нравственный выбор русского сознания не только в духовный акт утверждения собственной цивилизационной идентичности и суверенитета, но и в принципиально

---

¹ Medushevskiy A.N. Global constitutionalism and legal fragmentation: The populist backslide in Central and Eastern Europe // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. No. 4. P. 393.

² Медушевский А.Н. Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права // *Международное правосудие*. 2022. № 1. С. 3.

³ Там же.

⁴ См.: Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 439. С. 205; Benhabib S. Claiming Rights Across Borders: International Human Rights and Democratic Sovereignty // *American Political Science Review*. 2009. No. 4. P. 691.

⁵ Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // *Вестник Московского университета*. Сер. 11. 2023. № 1. С. 4.

значимое условие, минимально необходимое для предотвращения «отмены России», для возвращения отечественной системы идеологических координат, выхода из системного кризиса – и Победы¹.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 1. С. 3-21.
2. Бабурин С.Н. Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 130-136.
3. Багдасарян В.Э. Конституции постсоветских государств с позиции обеспечения государственного суверенитета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 19-31.
4. Бельский В.Ю., Кальной И.И. Необходимость и целесообразность идеологии в Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 350-355.
5. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 24–33.
6. Бондарь Н.С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 24-35.
7. Бондарь Н.С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журнал российского права. 2015. № 11 (227). С. 5-18.
8. Гареев М.Ф. Государственная идеология как основа предупреждения преступлений // Юридическая мысль. 2021. № 3 (123). С. 81-98.
9. Добрынин Н.М. О сущности российского конституционализма // Российский юридический журнал. 2020. № 4 (133). С. 40-51.
10. Дорская А.А. Периодизация истории государства и права России: проблемы аксиологической интерпретации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 2. С. 29-36.
11. Дудко И.Г. Современные концепции в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 35-46.
12. Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти А.В. Давиденко): сборник научных трудов. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2023. – 264 с.
13. Империя Россия / Ю.М. Осипов [и др.]. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 512 с.
14. Исаев И.А. Конституция и скрытая традиция // История государства и права. 2023. № 6. С. 16-20.
15. Кальной И.И. Статус идеологии в Конституции Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 2. С. 9-14.

---

¹ Марченя П.П. История России как путь к Победе: императивы Русской идеи в условиях войны // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 3. С. 25.

16. Киреев В.В., Неровная Н.Н. Идейные основы современного российского конституционализма как сфера выражения национальных интересов и обеспечения национальной безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2 (37). С. 22-28.
17. Клеандров М.И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7-18.
18. Корецкая Т.П. Становление российского конституционализма // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 3 (36). С. 49-56.
19. Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202-215.
20. Крусс В.И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации Российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 2-11.
21. Крылов Б.С. Проблемы российского конституционализма. О.Е. Кутафин. Российский конституционализм // Государство и право. 2009. № 6. С. 117-121.
22. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Инфра-М, 2008. – 544 с.
23. Лазарев В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 5-17.
24. Марченя П.П. «Две России» в контексте модернизации: императивы массового правосознания и пределы инновационных действий элит // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 232-233.
25. Марченя П.П. Империя как форма бытия российской цивилизации (к вопросу о мировоззренческих императивах государственной политики в России) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 315-317.
26. Марченя П.П. История России как путь к Победе: императивы Русской идеи в условиях войны // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 3 (36). С. 25-25 (1–18).
27. Марченя П.П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. 123 с.
28. Марченя П.П. Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 28-31.
29. Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 41-52.
30. Масленникова С.В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 24-47.
31. Медушевский А. Конституция Российской Федерации 1993 года и большие циклы российского конституционализма // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4 (45). С. 37-58.
32. Медушевский А.Н. Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права // Международное правосудие. 2022. № 1 (41). С. 3-31.

33. Морозова Л.А. К вопросу об идеологической функции государства и общегосударственной идеологии // Государство и право. 2015. № 12. С. 23-29.
34. Овчинников А.И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 84-89.
35. Париллов О.В. Статья 13 Конституции РФ и формирование государственной идеологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 285-287.
36. Пастухов В.Б. Вызовы и ответы российского конституционализма в XXI в // Труды по русистике. 2016. № 6. С. 129-155.
37. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 5-13.
38. Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии. Часть 1: Постановка проблемы / В.Ю. Бельский [и др.] // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 4. С. 41-49.
39. Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии. Часть 2: Проблемы прошлого / С.В. Авдеев [и др.] // Социально-гуманитарное обозрение. 2020. № 1. С. 44-64.
40. Рудаков Н.С., Кутько В.В., Гусева А.А. Конституция Российской Федерации как «идеологический компас» // Современный ученый. 2019. № 3. С. 296-301.
41. Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М.Д. Долбилова, при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 520 с. Е
42. Цалиев А.М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 40-43.
43. Benhabib S. Claiming Rights Across Borders: International Human Rights and Democratic Sovereignty // American Political Science Review. 2009. Vol. 103. No. 4. P. 691-704.
44. Medushevskiy A.N. Global constitutionalism and legal fragmentation: The populist backslide in Central and Eastern Europe // Studia Iuridica Lublinensia. 2021. Vol. 30. No. 4. P. 393-440.
45. Wartman R.S. The development of a Russian legal consciousness. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. 360 p.